

Константин Босилков (Болгария)

ПОЛЕЗНЫЙ ТРУД НЕ ТОЛЬКО ДЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ, НО И ДЛЯ БОЛГАРИСТИКИ

В. В. Замкова. *Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII века*. Л., 1975, 222 с.

Вопрос о болгаро-русском языковом обмене, исключительном по своим масштабам и взаимности, с давних пор привлекал интерес филологов-русистов, болгаристов и славистов. Как в прошлом, так и в новейшее время этой теме посвящалось немало исследований и все же сложнейшее взаимодействие между обоими славянскими языками пока еще недостаточно выяснено. Этим можно объяснить интерес, который вызывает среди специалистов каждый новый труд, прямо или косвенно затрагивающий проблемы проникновения и функционирования болгарских элементов в русском языке, с одной стороны, и русских элементов в болгарском — с другой. Книга молодого советского ученого В. В. Замковой „Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII века“, хотя и не посвящена непосредственно болгаро-русской языковой взаимности, все же является весьма интересной и с этой точки зрения. В ней можно обнаружить не только полезные данные о характере и охвате болгарского влияния на русский язык, но также удивительные параллели между историей современного русского и болгарского литературных языков. Эти особенности труда Замковой обуславливают его значение не только для советского языкознания, но и для болгаристики, и оправдывают более подробное его представление в этом журнале.

Книга состоит из четырех частей: библиографии и списка славянизмов высокого слога середины XVIII в. Безусловный интерес для болгарских специалистов представляют введение, первая глава „Славянизм в системе русского литературного языка середины XVIII в.“ и список. Впрочем, и по объему (110 с.), и по значению эти части составляют ядро работы и поэтому я направляю свое внимание главным образом на них.

Для того чтобы обосновать тему прежде чем приступить к анализу, В. В. Замкова рассматривает языковую ситуацию в России в XVIII веке. Церковнославянский язык (русская редакция староболгарского — примечание мое — К. Б.), который в предыдущую эпоху был основной и представительной формой литературного языка, уже не может выразить полностью идеи нового времени и удовлетворить потребности светской литературы. К середине XVIII века начинается активный процесс интерференции между народным и традиционным литературным языком, закончившийся формированием нормы и созданием стилей современного русского языка.

Для России восемнадцатый век является эпохой классицизма. В это время творят такие выдающиеся писатели и филологи как В. К. Тредьяковский, М. В. Ломоносов и А. П. Сумароков. В. В. Замкова исследует их отношение к „славянизмам“, уде-

ляя особое внимание теории Ломоносова о трех стилях. По мнению замечательного энциклопедиста, а также и других литераторов того времени, „славянизмы“ являются единой категорией, стилистически высоко отмеченной, противопоставляющейся русскому просторечью как чужое/свое. Благодаря своей архаичности, книжности и выпренности они становятся особым выразительным средством — основой так называемого высокого стиля. Разграничение „славянизмов“ по происхождению и по характеру проводится значительно позже — к концу XIX-ого — началу XX-ого столетия, когда начинается их настоящее научное исследование.

Опираясь преимущественно на концепции Г. О. Винокура, различающего генетические и стилистические славянизмы,¹ В. В. Замкова обособляет два направления при их толковании в русистике — этимологическое, с представителями С. К. Булич, А. А. Шахматов и Г. Хютль-Ворт, и стилистическое, к которому относятся В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, И. С. Ильинская и др. В то время как сторонники так называемого этимологического подхода стремятся выделить дифференциальные признаки „славянизмов“ по отношению к русизмам, защитники стилистической точки зрения интересуются не столько их происхождением, сколько их употреблением. Эти ученые, а вместе с ними и В. В. Замкова, рассматривают функционирование „славянизмов“ как вопрос исторической стилистики русского языка. Уточняя таким образом направление своих исследований, в конце введения автор определяет предмет и цели своего труда. Она рассматривает „славянизмы“ как стилистическая категория, понимаемая ею как „совокупность стилистических единиц, определяющих какой-либо стиль“. Исследование „славянизма“

проводится с точки зрения „функционирования его в языке и речи“. Эти программные вводные формулировки вызывают некоторые возражения. Предлагаемое автором определение *стилистической категории* является весьма общим и явно тавтологичным, а такое выражение как „функционирование в языке и речи“ лишает смысла разграничение между языком и речью. К счастью, отмеченные неточности не оказывают неблагоприятного воздействия на анализ конкретного материала. Уже в заглавии следующей части „Славянизм в системе русского литературного языка середины XVIII века“ идея о различии между языком и речью уточняется, а во всем дальнейшем изложении подробно выяснено функционирование „славянизмов“ как стилистическое средство.

В качестве источника для исследования „славянизмов“ в системе русского литературного языка XVIII века использован Словарь Академии Российской — первое издание 1789—1794 и второе — 1806—1822 гг. Этот словарь, составленный под непосредственным влиянием теории Ломоносова о трех стилях (а, может быть, включающий его и Кондратовича материалы для „Словопроизводного этимологического словаря“), действительно является весьма подходящим источником для поставленной темы, так как в нем проведена стилистическая квалификация лексики. Автор выбрал слова, отмеченные как *славенороссийские, слав., сл., старин.* и *стар.* и подверг их весьма старательному анализу. Прежде всего, сравнивая оба издания, она описывает 222 слова, обозначенных как „славянские“ в первом издании, которых нет во втором, и еще 542 „славянских“ слова второго издания, которых нет в первом. Это сопоставление имеет значение для всех пользующихся словарем, но оно будет особенно полезным для тех болгарских языковедов, которые используют его как источник для разграничения русской от церковнославянской по типу лексики.

¹ Г. О. Винокур. О славянизмах в современном русском языке. — Избранные работы по русскому языку. М., 1959, с. 443—459.

Установив объем „славянского“ словарного фонда в русском литературном языке середины XVIII века, В. В. Замкова пытается абстрагировать отличительные признаки „славянизмов“. В этом ей в значительной степени помогает хорошая традиция, созданная представителями так называемого этимологического направления. Все же, старательный анализ лексического материала дал возможность автору выделить и некоторые новые, неотмеченные до сих пор отличительные признаки. С точки зрения болгарского языкознания как раз эти элементы работы Замковой представляют наибольший интерес.

Прежде всего приводятся 140 основ слов, обозначенных как „славянские“ составителями Словаря Академии Российской. Они распределены в две группы: 1) основы, образующие слова, синонимические русским и 2) основы, образующие слова, отличные от русских. Проанализировав их употребление, автор основательно делает вывод, что высокую стилистическую окраску имели преимущественно те словарные единицы, у которых обнаруживается русский просторечный синоним. Затем, собранный лексический материал распределен в тематические группы и в лексико-грамматические разряды. Подобные классификации, хотя и весьма полезные, часто вызывают возражения. Следует подчеркнуть однако, что предлагаемое распределение является весьма точным и вполне приемлемым.

Большая часть фонетических отличительных признаков „славянизмов“, которые указывает В. В. Замкова, уже известны² (неполногласис; *щ, жд* на месте *ч, ж*; начальное *е-* вместо *о-*; варианты *г-з, ш-с, к-ц, ч-ж*). Наряду с ними, од-

нако, обнаруживаются и некоторые новые, неотмеченные до сих пор противопоставления между „славянизмами“ и русизмами. Речь идет о литературных и народных вариантах в некоторых грамматических формах пяти глаголов — *бить, -ся, вить, -ся, лить, -ся, пить* и *шить*. Например: *бюю* — *бью* или *бьющий* — *бьющий, шюю* — *шью* или *шьющий* — *шьющий*. Другие три глагола — *крыть, мыть* и *нать* тоже имеют в некоторых формах „славянские“ и русские варианты (*крыю* — *крою, мою* — *мою*). Следует также подчеркнуть замеченную фонетическую и фономорфологическую вариантность у отдельных слов как *кий* — *кой, живу* — *жую*; *отпуст* — *отпуск, пловати* — *плеваты* и др.

Словообразующие признаки, которые отличают „славянизмы“ от русизмов исследованы и описаны очень тщательно. Стилистическая точка зрения, которой придерживается автор, заставила ее кроме перечисления „славянских“ словообразующих формантов (как *-тель, -ствова-* и др.) поискать и их русские разговорные соответствия. Так, известная номенклатура пар как *из-вы-, воз-вз-* и др. обогащается некоторыми новыми словопроизводными оппозициями, преимущественно суффиксальными, типа *-ствова-/-нича-* (*волшебствовать/волшебничать*), *-тельствова-/-а-* (*избирательствовать/избирать*) и др. При анализе сложных слов, в качестве „славянских“ показателей указаны некоторые первые компоненты типа *благо-, веле-, добро-, злато-* и др. являющиеся древними кальками с греческого, которые уже известны. Интерес представляют однако перечисленные „славянские“ вторые компоненты сложных слов: *-видный, -зарный, -носный, -творный, -родной* и *-детельный*.

Заканчивая анализ слов, отмеченных как „славянские“ в русской лексикографии XVIII века, В. В. Замкова делает вывод, что эта помета семантически неоднородна, так как

² Срв. например А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. М., 1925; П. Христова-Филкова. Из историята на руско-българските езикови връзки. С., 1963, и др.

ею обозначались: 1) архаизмы; 2) обшечкижные слова, широко употребляемые в различных стилях и 3) особые варианты слов (семантические, фонетические и морфологические), которые имели ограниченное употребление и придавали речи высокую стилистическую окраску. Эту последнюю группу слов автор с основанием воспринимает как стилистические „славянизмы“ в полном смысле этого слова.

Следующие две главы книги представляют специфический интерес для русской исторической стилистики. В них подробно исследовано функционирование „славянизмов“ как стилистическое средство в русской литературе классицизма, а затем прослежено, как к концу XVIII века экспрессивные выразительные средства высокого стиля начали постепенно нейтрализоваться. В конце труда, как уже было упомянуто, приложен список „славянизмов“ высокого слога середины XVIII века.

„Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII века“ является работой, в которой идет пронизательного советского ученого Г. О. Винокура нашли свое полноценное развитие. Хорошо сформулированная тема очень тщательно разработана в теоретическом и в методическом отношении. Здесь не нужно останавливаться бо-

лее подробно на многочисленных научных достоинствах книги, которые, предполагается, уже отмечены советскими рецензентами. Однако, необходимо еще раз подчеркнуть, что как с фактологической, так и с теоретико-методологической точки зрения труд Замковой можно рассматривать и как вклад в болгаристику.

В заключение следует обратить внимание на термин *славянизм*, который стоит в заглавии и является предметом исследования. Исходя из его мотивировки, можно утверждать, что им обозначается родовое понятие по отношению к *русизму*, *болгаризму*, *полонизму* и т. д. Поэтому его нельзя использовать как сторону оппозиции типа *чужое свое*. С точки зрения славистики, противопоставления как *мраз/мороз*, *глад/голод*, *ночь/ночь*, *чуждый/чужий*, *един/один* и т. д. следует окачествовать только как *болгаризм/русизм*. Какими являются эти болгаризмы в русском языке — генетическими, типологическими или стилистическими — это уже иное дело. Действительно, как указывается и автором, термин *славянизм* уже укоренился в русском языкознании. И все таки вряд ли традиция может послужить основанием для явно ошибочного употребления этого термина в такой монографии, как рассматриваемая.